

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

XLVI

№ 1/2015

РОСТОВ-НА-ДОНУ
2015

ЮРИЙ МАТВЕЕВ

ТАК НАЧИНАЛОСЬ ЛЕТО

Стихи

* * *

Отъезд в пионерский лагерь.
Автобусов – вереница.
Оркестр, флажки и флаги.
Счастливые детские лица.

И здесь же волнение взрослых:
Детей отправляют на месяц.
А это совсем не просто –
Автобус тайком перекрестят.

И тополя-гулливеры
Шляпой помашут зеленой.
Будьте всегда, пионеры!
Будем.
Всегда готовы.

Мы уезжаем далёко.
На самый, на самый край света.
Подальше от этих уроков.

.....
Так начиналось лето.

Счастье

Папа читает газету.
Мама хлопочет на кухне.
У папы очки надеты.
У мамы так пахнет вкусно.

Звучит «Пионерская зорька».
И бодрые пионеры
Докладывают бойко,
Кто самый в стране первый.

Москва далеко от Сибири.
И есть ли она на свете?
Патриса Лумумбу убили –
Папа читает в газете.

МАТВЕЕВ Юрий Владимирович – публиковал стихи в журнале «Огни Кузбасса», других периодических и сетевых изданиях. В «Ковчеге» печатается впервые. Живет в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области.

© Матвеев Ю. В., 2015

Как это страшно и грустно,
 Что где-то лумумб убивают.
 Меня пирожки с капустой
 У мамы моей поджидают.

И мама такая родная.
 В муке у нее передник.
 Смотрю на нее и знаю,
 Что нет ее лучше на свете.

И солнце. И утро. И лето.
 Нельзя разделить их на части.
 И умные очень газеты
 Не знают, что это счастье.

Все повторится опять

Мне бы летнего дожждаться дождя.
 И сходить после него по грибы.
 Там кукушка сосчитает года.
 Ну, а может быть, сочтет мои дни.

Ничего я ей в ответ не скажу.
 И пророчеству ее улыбнусь.
 Заблужусь я в этом диком лесу,
 Как в душе своей навек заблужусь.

Мне б осенний увидеть листопад.
 И краснеющие кисти рябин.
 Уведет меня лесная тропа
 В царство импрессионистских картин.

Жаль, что не был здесь в Сибири Ван Гог.
 Не манил рассвет кедровый Мане.
 Ведь Сибирь так далеко на восток —
 Не доскачешь и на красном коне.

Мне б услышать, как тоскует метель.
 Завывает на луну словно волк.
 Белым снегом застилает постель
 Или скатертью ложится на стол.

Бесконечной будет эта зима.
 Откровенной, как ночной разговор.
 Пусть сведет меня, как прежде, с ума.
 Лишь бы только мне ни слова в укор.

А весной пасхальной, колокола
 Воскресят, развеют ветром печаль.
 Скатерть снежную сметут со стола
 И по мне колокола прозвучат.

Давней юности подснежников цвет.
 И журчание прозрачных ручьев.
 Опьяняющий апрельский рассвет.
 Да вот чужие стихи про любовь.

Будут летом вновь грибные дожди.
И осенний закружит листопад.
И метель затоскует в ночи.
И весна повторится опять.

В храме

Старинный храм. Иконы. Лики.
Лампадки. Свечи. Тишина.
И от свечей на стенах блики.
И жизнь мирская не слышна.

Там лето. Жарко. Здесь прохлада.
Еще до службы далеко.
Зайдет старушка. Все как надо
Она проделает легко.

Она все знает. Все знакомо.
Свечной огарок уберет.
Она в своем и в Божьем доме.
И Бог ее убережет.

Такая умиротворенность,
Такая вера у нее.
Такая легкость в ней и юность.
Все в ней ликует и поет.

Я замер. Я люблюсь ею.
Как эта старость хороша!
Так верить, может, не сумею,
Но как встревожена душа!

Моя душа

Маленький скит для монахов-отшельников.
Горный ручей серебрится в ущелье.
Возле тропы деревца можжевельника.
Вот и моя потаенная келья.

Я наклоняюсь в поклоне глубоком,
Рукой доставая до самого пола.
И захожу. Все мы ходим под Богом.
Здесь – моя самая вольная воля.

Нет надо мной этих вечных начальников.
Не возвышаются изваяния.
Мне не просить в своей келье с отчаянья
Ни у кого, никогда – подаяния.

Келья – душа моя. Странница вечная.
Странная. Вечная. И одинокая.
И зажигаются вечером свечи,
Свет посылая далёко-далёко.